

Этические аспекты «умного» города в метамодернистском культурном мироощущении

Научный руководитель – Воеводин Алексей Петрович

Сидоркина Евгения Владимировна

Сотрудник

Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского,
Луганск, Украина

E-mail: zenasidorkina687@gmail.com

В современных, стремительно развивающихся условиях диджитализации, мы стали невольными свидетелями трансформации общества в «глобальную деревню», о которой не раз упоминал в своих работах канадский культуролог М. Маклюэн. Примечательно, что и город оказывается вовлеченным в обозначенную тенденцию, расширяя границы влияния на близлежащие территориальные единицы, поглощая их в свое цифровое пространство. Речь идет, прежде всего, о так называемых субурбиях — живописных пригородах, значимость которых культивирует ландшафтный урбанизм как новая модель реорганизации городской культуры. Популярны молодежные сериалы компании Netflix («Очень странные дела», «Уэнсдей», «Ривердэйл», «Монстр: история Джеффри Дамера»), а также мультсериалы («Гриффины», «Симпсоны», «Рик и Морти») демонстрируют их частично свободными от шумных и динамичных «третьих» мест, куда американский урбанист Р. Ольденбург относит неформальные общественные заведения наподобие дорогих ресторанов и ночных клубов. Здесь зрителю не найти стеклянных небоскребов, крупных производственных предприятий, многолюдных спортивных комплексов, элитных отелей, супермаркетов и транспортных узлов — обычно они помещаются на задний план. Зато локации наполнены маленькими забегаловками с неоновыми вывесками и уютными кофейнями, антикварными лавками, цветочными магазинами, густым рядом ведущими к центральной площади с фонтаном, за пределами которой обязательно присутствует небольшая церковь или часовня с прилегающим к ней кладбищем. Следует отметить, что в первоначальном своем значении субурбия была специфическим типом пригорода, характерным для одной конкретной культуры и отражающим знаменитую концепцию «американской мечты». В данном ключе название сразу отсылает нас к идеалу лучшей жизни, к которому стремилась американская нация после Второй мировой войны. Соответственно, на тот момент в нем не было места бытовым приборам, управляемым при помощи Wi-Fi, и различным системам контроля социальной динамики посредством искусственного интеллекта, воссоздающим новый идеал полицейского государства, обрисованный ещё в начале прошлого столетия французским постструктуралистом М. Фуко. Изменение статуса города в господствующей модели мышления заставляет нас задуматься о том, насколько допустима диффузия новых технологий в существующую аксиологическую матрицу, нацеленную на воплощение идей пост- и трансгуманизма. Иными словами, как человеку направить технический прогресс во благо себе и окружающим, не утратив при этом сакральной роли демиурга и не уступив свои интеллектуальные возможности набирающим популярность нейросетям, способным превратить город в очередную версию Мегамшины.

Любой индивид, попадающий в сферу философского знания, неминуемо сталкивается с тем, что интересующие его этические вопросы часто разбиваются о берег формальной логики, где невозможно прийти к однозначному умозаключению из предложенных. В том числе, когда эти вопросы охватывают проблемы становления «умного» города или, как сейчас пишут ведущие исследователи в области урбанистики, — кибергорода. Наблюдая

за конструкциями виртуальных городов в видеоиграх, искушенные пользователи переносят их в реальный мир, мечтая о создании устойчивой среды с минимальным вложением усилий и оптимизацией человеческой деятельности, результаты которой будут оценены в новой виртуальной валюте. Таким образом, концепция городов будущего стремится к оценке роли человека как средства для достижения глобальных целей, поставленных, возможно, уже не им самим, о чем нас мягко предупреждает в своих работах экономист Э. Глейзер: «Город одержал триумф. Но, как многим из нас известно по личному опыту, иногда асфальтовые городские дороги ведут в ад. Город может победить, но слишком часто горожане, похоже, проигрывают» [Глейзер, 2015, с. 12]. Безусловно, эту тенденцию запустил сам демиург, поэтому в мегаполисах мы наблюдаем более очерченное социальное дистанцирование, обусловленное человеческим эгоизмом, сильным стремлением к конкуренции, холодной расчетливостью, тревожностью относительно границ личного пространства: отсюда и предназначенные для отдыха локации на планировках выглядят вынесенными за скобки ежедневного графика — в частности, таким является знаменитый Центральный парк Нью-Йорка или Миллениум парк Чикаго. Оформляется новая версия античного космополитизма, в контексте которого индивид предпринимает смелые попытки скорее вырваться в область трансцендентного, технологически недостижимого, но при этом вынужденно поддерживает искусственно созданные коммуникативные связи с эмпирически осязаемым социумом: «Потребность в такой коллективной солидарности усиливается городской жизнью, помещающей в пределы досягаемости друг друга индивидов, между которыми существует огромная социальная дистанция» [Гоффман, 2017, с. 181].

Необходимо подчеркнуть, что сам метамодернистский посыл заключается уже не в ироничном обыгрывании существующего кризиса, а в его признании и построении планов дальнейшего преодоления. Город также обязан принять в этой эстафете посильное участие, ведь ему принадлежит ведущая функция упорядочивания жизни цивилизованных людей и сохранения культурной памяти различных социальных групп. Рассматривая данный объект культуры как совокупность жестких властных структур, генерирующих общеобязательный этический кодекс, важно не забывать о внушительной экологической повестке, требования которой современные урбанисты уверенно вписывают в облик кибергорода. Однако, не все сообщества религиозного характера торопятся принять обозначенные нововведения, так как они могут противоречить некоторым догматам. К примеру, в последние годы обретает популярность практика так называемых «зелёных похорон», подразумевающая утилизацию тела умершего человека посредством сложных биоразлагаемых соединений и дальнейшего, вторичного его использования в качестве субстрата для зеленых насаждений. Некоторые критики пренебрежительно назвали её технологией «человеческого компостирования», что ощутимо пронизано утилитаристской этикой. Также, в контексте христианского видения мира наше тело создано Богом и не подлежит подобным самовольным манипуляциям после смерти. Кроме того, верующий по истечении сорока дней после погребения обязан восстать из мертвых и проследовать в Царствие Небесное, держа в руках свой крест, о котором в данном вопросе внедрения «зеленой» энергетики речь не ведется. Закрепить этот тезис мне хотелось бы наглядной иллюстрацией сцены из мультфильма «Гриффины», где персонажи по имени Брайан и Стьюи путешествуют по параллельным мирам с помощью навигатора. Попав в футуристическое измерение, они обнаруживают там существенный отрыв вперед от технологий современного им XXI столетия, причиной чего устанавливают отсутствие христианства и, соответственно, всей Средневековой эпохи.

Сложно спорить с тем, что религия выступает сдерживающим фактором в развитии экологически безопасных и цифровых новинок, к которым также можно отнести прак-

тику создания «цифровых кладбищ», десакрализирующих интимный момент человеческой смерти. Благодаря им смерть может восприниматься как дань господствующей моде, возникшей в оптике массовой культуры и окончательно обесцениться. Принимая во внимание тот факт, что в нашем обществе этика обладает заметным христианским оттенком, то и последствия распространения «умных» домов или городов расцениваются через призму её императивов. Тем не менее, в метамодернистском культурном пространстве наличествуют и другие виды этики, созвучные принятию проблемы замены человека искусственным интеллектом как неизбежного результата диджитализации. Следовательно, тенденция боргизации, а также разработка концепции кибергородов нуждается в подключении таких направлений этики, как консеквенциализм, биоэтика, деонтология и других, поскольку она затрагивает сферы совершенно разных областей знания — начиная от урбанистики и социологии, заканчивая теорией культуры и экономикой, имеющих противоположные взгляды на феномен города.

Источники и литература

- 1) Глейзер Э. Триумф города: как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее [Текст] / пер. с англ. И. Кушнareвой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — (Московский урбанистический форум. Библиотека урбаниста). — 432 с.
- 2) Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / Эрвин Гоффман; пер. с англ. А. М. Корбута; под ред. М. М. Соколова. — Москва: Элементарные формы, 2017. — 381 с.